

18+

ЯРОСЛАВ КИЧАЛО

НЕРАЗРЫВНЫЙ УЗЕЛ

КРИМИНАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Ярослав Кичало

**Неразрывный узел.
Криминальная повесть**

«Издательские решения»

Кичало Я.

Неразрывный узел. Криминальная повесть / Я. Кичало —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-702241-5

Санкт-Петербург, 90-е годы. Стекланный павильон биржи на Васильевском острове. Герои повести ведут рискованную игру в «аквариуме», маневрируя между криминальными структурами и жёстким контролем ОБЭП. Валютные операции, ваучеры, МММ, фальшивые авизо, виртуозные подделки векселей. Повествование ведётся от имени автора и в основу положен его личный жизненный опыт.

ISBN 978-5-00-702241-5

© Кичало Я.
© Издательские решения

Содержание

Неразрывный узел	6
(Криминальная повесть)	7
Предисловие	8
Глава 1. «Аквариум» на Васильевском	9
Глава 2. Большая «прихватизация»	12
Глава 3. Происшествия на бирже	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Неразрывный узел

Криминальная повесть

Ярослав Кичало

© Ярослав Кичало, 2026

ISBN 978-5-0070-2241-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Неразрывный узел

(Криминальная повесть)

Мы жили в эпоху «бандитского Петербурга», когда между «пан» и «пропал» было всего несколько пунктов в котировках валюты.

Предисловие

Эта повесть не о больших деньгах, хотя их в ней много. Она о времени, когда Санкт-Петербург превратился в гигантскую лабораторию капитализма, а мы были в ней и подопытными, и лаборантами.

В начале девяностых на 26-й линии Васильевского острова один из двух советских павильонов Ленэкспо стал ярмаркой, а другой превратился в Биржу — наш «аквариум», ставший эпицентром надежд, афер и безумного драйва. Мы были молоды, дерзки и искренне верили, что компьютер и смекалка защитят нас лучше, чем стены из бетона. Мы учились отличать подлинные доллары от подделок, настоящие векселя от идеальных «двойников», распознавать недоброе в голосе клиента раньше, чем запищит детектор валют, и лавировать между интересами тех, кто привык решать вопросы силой, и тех, кто делал это именем закона.

Многие из тех, кто начинал с нами в этих прозрачных стенах, не дошли до финала. Кто-то сгорел в азарте, кто-то не выдержал давления системы, а кто-то просто растворился в тумане дефолтов. Но те, кто выжил, вынесли главный урок: в мире, где всё прозрачно, сложнее всего сохранить не капитал, а самого себя.

В этой повести почти нет вымысла. Имена не изменены, но «тёрки» с бандитами, шуршание штанов инкассатора Юры и ледяной взгляд подполковника Бориса — всё это часть той реальности, которую я попытался запечатлеть, пока она окончательно не превратилась в городскую легенду.

Добро пожаловать на Васильевский остров образца 90-х годов.

Торги открываются...

Глава 1. «Аквариум» на Васильевском

Сентябрь 1992-го года случился, по Петербургскому обыкновению, тёплым и сухим «бабьим летом». Только недавно «почил в бозе» Советский Союз», после чего я был уволен из армии как представитель запрещённой Ельциным должности политработника.

Новым местом моей работы стал огромный стеклянный павильон на 26-й линии Васильевского острова Петербурга, где в то время размещалась товарно-сырьевая биржа «Санкт-Петербург». Эту работу я получил, пройдя собеседование с представителями московской компании «БИККС», которые по итогам собеседования с претендентами на работу, коих набралось около ста человек, приняли в штат компании двоих. На бирже я работал брокером, иначе назвать -посредником между продавцами и покупателями товаров. Это было время, когда оптовые объёмы товаров можно было купить только на бирже.

Толком, что же это за работа такая, никто не понимал, учились по художественным фильмам. В декабре я провёл две крупнейшие сделки (продавал медные кабели и медную проволоку). Об этих сделках даже писали в местных газетах, но на зарплате это никак не отразилось. Владельцы конторы оказались прижимисты...

Весной этого года я провёл ещё две большие сделки: теперь продавал сахар. После успешного завершения (с поставкой!), я попытался убедить владельцев конторы выйти в большой бизнес: они могли стать «сахарными королями», а я бы руководил сахарным бизнесом! Эх, не удалось уговорить! На шальные деньги они купили себе японских джипов «Исузу», построили дачи и сложили в сейф «на чёрный день» несколько изумрудов, огранённых и необработанных самородков.

Здание биржи было настоящим символом эпохи, когда на смену пыльным советским коридорам пришла эстетика «нового русского капитализма».

Это был огромный современный по тем временам павильон из стекла и бетона, который резко выделялся на фоне старой промышленной застройки и классических зданий Васильевского острова. Его стены символизировали «прозрачность» новых рыночных отношений, хотя внутри всё было устроено куда сложнее. Обилие света, отсутствие потолков до самой крыши, которая держалась на выкрашенных в белый цвет железных балках, скреплённых по принципу перевёрнутой мусорной корзины: плоская Эйфелева башня, не иначе...) и ощущение гигантского пространства создавали атмосферу западного делового центра. Сердцем биржи был операционный зал — огромное пространство, заполненное гулом сотен голосов. Вдоль стен располагались торговые места — брокерские «ямы» или стойки, оборудованные первыми компьютерами и стационарными телефонами. Над головами шумели кондиционеры, не справлявшиеся ни с уличным теплом, ни с жаром работающей сутками несовершенной электроники, ни с темпераментом возбуждённых возможной скорой финансовой удачей участников торгов. Главным элементом интерьера было большое электронное табло, на котором постоянно обновлялись котировки товаров.

Каждый скачок цифр вызывал волну криков и движений в толпе. Здесь перемешивались все слои нового общества. Солидные мужчины в первых импортных костюмах-«тройках» соседствовали с дерзкими парнями в кожаных куртках и свитерах «Boys». Это было место запредельной концентрации адреналина. В воздухе стоял стойкий запах дорогого парфюма, смешанный с запахом пота и табака, ведь курить в те времена могли прямо в залах или в прилегающих к ним кулуарах.

Люди здесь не просто работали, они «делали жизнь», принимая решения за секунды.

В один из дней, я, брокер московской компании «БИККС», как обычно, носился по залу с пачкой товарных заявок.

— Продаю пятьсот тонн цемента! Покупаю соляру! — орал я, пытаюсь перекричать толпу.

— Ярик! — меня окликнул парень с цепким взглядом и тяжелой трубкой радиотелефона. — «Твои» почём соляру отдают?

— Если объём реальный — договоримся, — я из «БИККСа», Ярослав.

— Сергей, — он коротко кивнул. — Слушай, бросай ты этот цемент. Видишь, как курс доллара скачет? Пока мы тут вагоны переписываем, бакс делает больше, чем вся твоя комиссия за месяц. Давай лучше сделаем так, чтобы бабло несло к нам само. У меня есть выход на Сбербанк, мы заключим с ним договор, по которому нам ежедневно утром инкассаторы банка будут привозить наличную валюту для её продажи через обменник на бирже по установленному банком курсу, а мы будем накидывать на эту цену свою маржу, а вечером в банк будем инкассировать вырученные за продажу валюты рубли, за вычетом своей маржи.

Так мы открыли первый официальный валютный обменник на бирже. Бронированная кабина, счётная машинка для денег и бесконечный, приятно волнующий шелест и невероятный аромат новеньких купюр: «зелёных» из США, разноцветных наших рублей, «синих» финских, немецких, швейцарских, английских...

На бирже разрешили свободный обмен валюты: для этого и нужна банковская лицензия. Я и Сергей были в числе первых, кто организовал на бирже частный обменный пункт. Пошла настоящая биржевая деятельность: так как безналичные платежи проходили плохо, иногда неделями, страна перешла на расчёты наличными. Доверия рублю не было: инфляция 400% годовых. Все расчёты в валюте. Мы проводили обмен наличной валюты практически мгновенно: доллары, немецкие марки и финские марки были основными активами. В среднем ежедневный наш оборот в обмене валют превышал 1 млн. долларов США.

Запах денег буквально висел в стеклянном пространстве нового для нас мира больших сделок...

— Смотри, — Сергей кивнул на очередь, растянувшуюся через весь холл. — Это наш кислород. Скоро сюда понесут всё: ваучеры, «Властелину», МММ. Нам просто нужно вовремя открывать сейф.

Но, легальный статус не спасал от улицы. Дело в том, что напротив павильона выстроилась шеренга «уличных» менял, работавших прямо «в окно» проезжающим машинам и предлагающим водителям и пассажирам автомобилей валюту по цене ниже, чем мы продавали в обменнике. Банк их валютой не «подкреплял» — они продавали те купюры, которые ранее купили у водителей и пассажиров из других машин. Они «сбивали нам курсы, но на нашей стороне было преимущество в объёмах валюты.

— Они нам бизнес перебивают, Серёга! — со злостью бросил я, глядя в окно на 26-ю линию. — У них курс на пять пунктов слаще.

— Потерпи, — процедил он. — У них только асфальт под ногами, а у нас — договор с банком и значительные суммы валюты.

Время 90-х годов в Питере было опасное, особенно там, где «крутились» большие деньги. Вспоминаются два трагических происшествия тех дней.

В здании биржи была комната-депозитарий, где компании, работающие с налом, хранили свою наличность. Охранником в депозитарии работал добрый дядька, бывший военный. Его задачей было впускать и выпускать из депозитария арендаторов биржи. В один из дней я направился в депозитарий, чтобы перенести оттуда в офисный сейф необходимые денежные средства для обменного пункта. Я постучал в дверь помещения, она оказалась не заперта. Войдя

внутри, я ужаснулся — на полу лежал без признаков жизни охранник, а двери ячеек для хранения денег были настежь раскрыты. Дело об убийстве расследовала прокуратура Василеостровского района, убийцей оказался другой охранник биржи, который стоял при входе. Мотив убийства банален — убил из-за денег в депозитарии, которыми он так и не воспользовался благодаря профессиональным действиям следствия и оперативников районного РУВД; злодей был осуждён на длительный срок.

Второе трагическое происшествие произошло с молодым парнем из брокерской конторы, арендовавшей офис на бирже по соседству с нашим. Эта компания специализировалась на обмене больших сумм долларов. В один из дней постоянный клиент компании попросил «перекинуть» значительный объём долларов на рубли по крайне привлекательному для фирмы курсу и это стало роковым в этом событии. Подсчитывая ожидаемые «барыши» от сделки, брокеры утратили бдительность и согласились совершить абсолютную глупость: передать клиенту рубли за доллары в парке, расположенном рядом со зданием биржи. На передачу денег отправился молодой сотрудник и со встречи не вернулся. Его труп с ножевыми ранениями обнаружили в парке вечером, но денег при нём не было. Нашли ли убийцу, мне не известно.

Глава 2. Большая «прихватизация»

Вторым видом нашей деятельности на бирже стала торговля приватизационными чеками (ваучерами).

Автору повествования необходимо ввести читателя в курс того, что такое ваучеры.

В октябре 1992 года в стране началась приватизация: государство начало распродавать свои предприятия населению. Приватизацию возглавил А. Б. Чубайс, один из младореформаторов.

Ваучер (официально — приватизационный чек) — это государственная ценная бумага, которую выдавали гражданам России в 1992—1994 годах. Идея заключалась в том, чтобы передать государственную собственность (заводы, фабрики, предприятия) в руки обычных людей. Считалось, что каждый гражданин получает свою долю национального богатства.

На каждом ваучере была указана сумма — 10 тыс. рублей. Сравнимая начальная стоимость около 10 американских долларов. По одному ваучеру на гражданина, выдавали в Сберкассе, бесплатно. Сначала все доли предприятий можно было приобрести только за ваучеры, и они (ваучеры) стали самым ликвидным стандартизированным товаром. Большие капиталы (бывшие комсомольцы при банках; владельцы кооперативов и т. д. ...) стали скупать эти ваучеры для последующего приобретения предприятий в собственность.

Анатолий Чубайс заявлял, что на один чек можно будет купить два автомобиля «Волга». В реальности большинство людей не понимали, что делать с этими бумагами.

В итоге ваучеры либо продавали за бесценок (иногда буквально за бутылку водки), либо вкладывали в «ЧИФы» (чековые инвестиционные фонды), многие из которых оказались финансовыми пирамидами и прогорели. Те, кто сумел скупить огромное количество ваучеров, среди которых были и представители «бандитского Петербурга», смогли позже обменять их на акции крупных предприятий (например, «Газпрома»), став реальными владельцами активов и первыми российскими миллионерами.

У нас была отработанная схема: на заёмные средства мы покупали ваучеры и затем собранную крупную партию отвозили в Москву на ММВБ (Московская биржа) в определённый день, после которого следовал очередной аукцион продажи предприятий. Максимальный объём выручки, с которой мы возвращались из Москвы в Петербург, был равен 1 млн. долларов США. Ездили мы всегда в плацкартном вагоне, внимания бандитов не привлекали, за спиной обычный, потёртый туристический рюкзак защитного цвета. Никогда никаких эксцессов не было.

В душном зале биржи «Санкт-Петербург» мы с Сергеем чувствовали себя как на передовой. Вокруг бушевала толпа: крики маклеров сливались в единый гул, а на табло то и дело менялись цифры. Я крепко сжимал в руках портфель с пачками приватизационных чеков, иначе ваучеров, стараясь не упускать из виду скупщиков. Сергей в это время лихорадочно записывал котировки в блокнот, выкрикивая предложения в самую гущу людей. Для нас это не было просто торговлей — это была игра на выживание в зарождающемся российском капитализме, где за один день можно было сколотить состояние или остаться ни с чем, обменяв «кусочек Родины» на пачку наличности.

Мы работали быстро и слаженно. Пока Сергей отвлекал конкурентов и сбивал цену у случайных прохожих, пришедших продать свои ваучеры, я оформлял сделки с крупными игроками. Ваучеры переходили из рук в руки, шурша бумагой и обещая сказочные дивиденды в туманном будущем. В тот вечер, когда закрылся очередной торговый день, уставшие, но довольные друзья пересчитывали «барыши». Мы понимали, что эти приватизационные чеки — наша возможность хорошо заработать на разнице курсов покупки-продажи, завтра штурм

биржевых баррикад начнётся снова, и вновь завершится нашей победой! А как могло быть иначе, если мы сами назначали цены этих «первобытных» ценных бумаг? Игра в одни ворота...

Глава 3. Происшествия на бирже

В один из обычных рабочих дней тишину офисного коридора, обычно заполненного лишь мерным гулом компьютеров и приглушёнными спорами брокеров, прорезал резкий крик. Я, только что высчитывавший маржу по утренним сделкам, подскочил на месте. Крик донёлся из соседнего офиса, который арендовала молодая брокерская фирма.

Я наотмашь толкнул незапертую дверь и замер на пороге. В центре комнаты, в массивном кожаном кресле, сидела Маша — кассир, с которой мы часто пересекались в буфете. Сейчас её было не узнать. Она была буквально перепелената к креслу широкими витками серебристого строительного скотча. Рот был заклеен, но не плотно, что и позволило ей крикнуть.

— Тихо, Маша, тихо! Свои! — я бросился к ней, на ходу вынимая из кармана складной нож.

Я осторожно подцепил край ленты у рта. Маша судорожно вдохнула воздух, как только пластырь отклеился, и тут же сорвалась на рыдания.

— Ушли... они ушли через второй выход! — запричитала она, пока я разрезал путы на её руках. — Двое... в приличных костюмах, с дипломатами. Сказали, что от «Балтийского союза», принесли валюту на обмен...

Я бросил взгляд на распахнутый сейф в углу. Тяжёлая стальная дверца сиротливо покачивалась, обнажая пустые полки.

— Они всё вынесли, Ярик... Всё до цента! — Маша закрыла лицо дрожащими руками. — Просто достали стволы с глушителями, прижали к стулу и начали мотать скотчем. Я даже пикнуть не успела.

Я подошёл к окну, выходящему на 26-ю линию. Внизу, в общем потоке машин, уже невозможно было вычислить «приличных клиентов». Это был классический «гоп-стоп» эпохи приватизации: минимум шума, максимум профита, и идеальное знание того, когда в сейфе больше всего наличности.

— Наводка, — коротко бросил я, помогая девушке подняться. — Свои же и сдали. Маша, вызывай охрану биржи.

Это ограбление разорило фирму, в которой работала Маша. Тридцать тысяч похищенных долларов в то время были не просто деньгами — это был «оборот», кровь бизнеса. Без этих средств компания не смогла закрыть обязательства перед клиентами, чьи деньги испарились вместе с «людьми в костюмах».

Через неделю офис по соседству опустел. Мебель вывезли за долги, а на двери остался лишь след от сорванной таблички. Маша так и не решилась вернуться на биржу — слухи о её «подставе», хотя она была жертвой, разошлись по зданию мгновенно. В этом мире репутация стоила дороже денег, а клеймо «неудачника» смывалось только полным уходом из дела.

Этот случай заставил нас навсегда забыть о безопасности «стеклянного павильона». Урок был жёстким и сводился к трём правилам: никаких случайных входов; мы поняли, что открытость биржи — это иллюзия безопасности, поэтому установили в офисе двойную дверь с электрозамком и видеодомофоном, что было редкостью по тем временам!

Теперь клиент попадал внутрь только после того, как Сергей подтверждал личность по телефону, а я проверял его через «глазок» камеры; после краха соседей мы перестали держать всю наличность в одном сейфе и арендовали три разные ячейки в банках в радиусе километра от биржи и держали в офисе лишь ту сумму, которая была необходима для текущей сделки; мы ввели правило «второго звонка», прежде, чем принять крупного клиента, Сергей связывался

с коллегами с других площадок — на Сенной или на Московском проспекте — и узнавал, не всплывал ли этот персонаж где-то ещё.

Но главным уроком стало осознание того, что тишина — лучший друг денег. Мы перестали хвастаться удачными сделками в буфете и начали нанимать для инкассации не просто парней с «Сайгами», а профессионалов, которым можно было доверять.

Одним из таких инкассаторов был «православный таджик» Юра, как он сам себя называл, намекая на смешение крови своих родителей. Между собой мы его называли «шуршащий» за звук, который издавали штанины его униформы при ходьбе, задевая друг друга. При своём весе 46 кг, он умудрялся таскать баулы с наличностью весом в несколько пудов.

Припоминается смешной случай в последний день старого года, когда около 19 часов Юра с мешком, как Дед Мороз появился в нашем офисе «на рогах». Он ввалился в офис не просто «на рогах», а в состоянии полного экзистенциального восторга. Его знаменитые штаны не просто шуршали, они выдавали победные марши, хотя самого Юру качало, как мачту на балтийском ветру. На голове у него криво сидела красная шапка с помпоном, которую он, видимо, отобрал у настоящего Деда Мороза или выменял.

— С наступа-а-ающим, кормильцы! — проревел Юра, пытаюсь изобразить строевой шаг, но вместо этого едва не протаранил кулер. — Принимайте подарки от дедушки Юрия!

Он с грохотом обрушил на наш стол мешок, откуда Сергей с недоумением достал продукты.

— Юра, твою дивизию! — ахнул Сергей, заглядывая в мешок. — А где деньги? Ты нам закуску привёз вместо оборотки!

Юра замер, почесал помпон и выдал с неподражаемым таджикско-питерским акцентом:

— Так это... — Юра виновато шмыгнул носом и поправил сползающую шапку Деда Мороза. — Забежал я в гастроном на углу 26-й, ну, буквально на минуту! Там в предбаннике бабка стояла, божий одуванчик, с точно таким же серым баулом. Она его на подоконник поставила, чтобы валенки переобуть, ну и я свой рядом пристроил.

Он икнул и восторженно развёл руками:

— А тут в магазине очередь как взрвёт: «Шампанское выкинули!». Бабка как подорванная подскочила, схватила мешок — и в толпу. Ну и я на автомате за свой схватился. Только чувствую — лёгкий какой-то баул! Я ещё подумал: «Ни фиги себе, как я за год подкачался, веса вообще не чувствую! Чудо, не иначе!». Прилетаю к вам, открываем — а там вместо президентов американских два батона «Докторской», три десятка яиц и килограмм мороженого минтая...

Юра почесал затылок и добавил с философской грустью:

— Представляете сейчас лицо этой бабули? Она дома мешок развяжет, чтобы внукам рыбки пожарить, а там — сорок штук баксов пачками. Она ж с перепугу все грехи до седьмого колена отмолит! А минтай, кстати, уже подтаивать начал, надо бы его в сейф положить, а то завоняет...

Белея на глазах, мы с Сергеем переглянулись. В сейфе было пусто, клиенты ждали расчёт, а перед нами стоял «православный таджик», который только что совершил самое мирное и нелепое ограбление в истории Васильевского острова.

— Юра, какой минтай?! Какая бабка?! — Сергей схватился за голову. — Это же наша «оборотка»!

Мы выскочили на улицу с мешком, предварительно упаковав туда принесённые продукты и бутылку коньяка, припасённую нами на праздник. Юра, шурша штанами на всю 26-ю линию,

бежал впереди, указывая путь к тому самому гастроному. План был безумный: найти в предновогоднем Петербурге старушку, которая случайно стала богачкой.

Возле магазина царил хаос. Люди с ёлками, сумками и ящиками водки сновали туда-сюда.

— Вон она! — вдруг заорал Юра, указывая на удаляющуюся к остановке фигуру в ветхом пальто и пуховом платке. В руке она несла баул, который явно тянул её к земле. — Смотрите, как накренилась! Сразу видно — валютный запас тащит!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.